

Евгений Сухов

Преступная любовь

16+

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Преступная любовь

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сухов Е.

Преступная любовь / Е. Сухов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга рассказывает о седьмом нашумевшем деле известного судебного следователя Ивана Федоровича Воловцова. Неожиданно пропадает чиновник Московской судебной палаты судебный пристав Щелкунов. Никто из его ближайшего окружения не имеет представления, куда он запропастился. Наоборот, все в один голос утверждают о том, что в последнее время пропавший пребывал в хорошем расположении духа. Много шутил, был весел, а сам Щелкунов откровенно намекал, что скоро в его жизни произойдут серьезные изменения. Не исключено, что он оставит свои прежние холостяцкие привычки и наконец женится. Однако у Ивана Воловцова имеются существенные основания предполагать, что Щелкунов был убит, а тело его было тщательно запрято.

© Сухов Е., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

25

Евгений Сухов

Преступная любовь

Глава 1. Таинственное исчезновение судебного пристава

В среду тринадцатого января одна тысяча девятьсот четвертого года по кабинетам и коридорам Московской судебной палаты, равно как и Окружного суда, пополз весьма недобрый слух. А заключался он в том, что таинственнейшим образом запропастился член Совета судебных приставов Московской судебной палаты титулярный советник Владислав Сергеевич Щелкунов, – мещанин, тридцати девяти годов от роду, милейший человек. У судебного и прокурорского начальства Владислав Сергеевич числился на хорошем счету: обязанности свои исполнял всегда справно и с похвальным рвением, что всегда отмечалось в приказах, и у руководства на его счет имелись серьезные планы. Через год (может два) по уходу в отставку старшины Совета судебных приставов Михайлова, Щелкунов должен был занять по праву его место. К тому же русской болезнью – то бишь запоем – Владислав Сергеевич не страдал, разве что мог выпить рюмку-другую по случаю. Что же касается женского полу, в скверных историях и в скандалах замечен не был, хотя, будучи второй год вдовцом, время от времени появлялся на примках с женщинами, что совершенно не ставилось ему в вину. Дамы тоже были с ним весьма любезны и обходительны.

Пропажа судебного пристава Щелкунова стала заметной в понедельник вечером одиннадцатого января. Владислав Сергеевич так и не появился ни в своей конторке в судебной палате, ни дома. Не объявился он на службе и двенадцатого января, а тринадцатого утром один из его друзей, мещанин Гавриков, сделал заявление о его беспричинном исчезновении.

Конечно, пропажу человека в Москве назвать явлением из ряда вон выходящим было бы отнюдь не верным. Пропадают люди в Первопрестольной, к сожалению, нередко. Бывает, что по несколько десятков человек в месяц исчезают. И по большей части бесследно. Однако надо признать, что пропадают обычно те, которым и суждено куда-то сгинуть, в силу неправедного образа жизни: большинство из них, это беспробудные пьяницы или опустившиеся на самое дно проститутки; отпетые дебоширы и прочие личности из категории неблагополучных, умеющие находить неприятности даже в банальнейших ситуациях.

Тем не менее нередко случается, что теряются люди весьма достойные, имеющие в обществе большое признание и немалые заслуги, ведущие самый благопристойный образ жизни, которых, казалось бы, само проведение оберегает от разного рода неприятностей. И вот на тебе, сгинули, как если бы и не жили!

В этот раз из категории таких вот «благополучных» человек пропал чиновник Московской судебной палаты, что, само по себе, накладывало особые обязательства на следствия. Он являлся коллегой и предстояло изрядно расстараться, чтобы узнать причину его исчезновения. Не исключено, что пропажа судебного пристава была как-то связана с исполнением им непосредственных служебных обязанностей, в перечне которых имеются крайне непопулярные: такие как арест имущества, взыскание денег с должников и их задержание и прочие действия подобного характера. Но все-таки судебный пристав являлся простым исполнителем, фигурой подневольной, исполняющей чужие приказания. Любой должник должен был осознавать, что укокошив его, дело вряд ли приостановится и уже тем более не пойдет вспять, на завтра вместо него придет другой взыскивать долги, с точно такими же серьезными полномочиями, и вновь прибывший вряд ли окажется менее взыскательным и строгим. На такие должности, чего уж греха таить, подбирают людей весьма далеких от либерализма. А потом, как было известно, никаких щекотливых дел судебный пристав Щелкунов в последнее время не вел и никаких серьезных разбирательств ни с кем не имел. По крайней мере, так утверждали члены Совета судебных приставов и их старшина Михайлов...

Вот такими не особо содержательными сведениями обладал судебный следователь по особо важным делам Иван Федорович Воловцов через час после того, как вышел из кабинета председателя Департамента уголовных дел Судебной палаты статского советника Геннадия Никифоровича Радченко.

– Ты уж, Иван Федорович, ради Бога расстарайся, – как-то не по-начальнически промолвил Геннадий Никифорович, поручая Воловцову дело по розыску судебного пристава Щелкунова. – Сам понимаешь, одно дело, если наш пристав застрял у какой-нибудь дамочки, потеряв в любовном угаре чувство времени и напрочь позабыв про служебный долг. Чего греха таить и такое случается... И совсем другое дело, – вздохнул Радченко, – если его труп лежит, запорошенный снежком, где-нибудь на Лосином острове или вмёрзший в лед в придорожной канаве где-нибудь на окраине города...

То, что розыск был поручен никому-нибудь, а Воловцову, судебному следователю по особо важным делам, свидетельствовало о том, что председатель Департамента уголовных дел Судебной палаты Геннадий Никифорович Радченко все же склоняется к наихудшему варианту...

* * *

С чего начинаются подобные дела?

С выявления свидетелей, которые последними видели пропавшего, и осмотра его места жительства.

Как выяснилось после краткого опроса, последними Щелкунова видели мещанин Гавриков и отставной унтер-офицер Дынник. Они-то и были первыми, которым учинил допрос судебный следователь Воловцов.

Пригласив к себе в кабинет Гавриила Ивановича Гаврикова, следователь Воловцов начал расспрос:

– Стало быть, вы говорите, что вас очень обеспокоило пропажа вашего друга?

– Точно так.

– Расскажите об этом поподробнее, – доброжелательно посмотрел Воловцов на свидетеля, стараясь расположить его к себе.

– Мы должны были с ним увидеться в понедельник в половине седьмого вечера по одному весьма важному делу, – начал свой рассказ Гавриков, слегка подавшись вперед. – Но Владислав не пришел, чего раньше никогда не случалось, и что на него было совершенно непохоже. Раз уж договорились, так он больным будет, но обязательно явится... Признаюсь, меня это значительно опечалило, даже расстроило, и я отправился к нему на квартиру... Когда я постучался к нему в дверь, то мне никто не открыл. Раздосадованный я вернулся домой, решив для себя, что завтра я непременно выскажу ему все, что о нем думаю... – Гавриил Иванович замолчал и невесело усмехнулся на свои собственные невеселые слова, затем продолжил столь же горестным тоном: – Завтра пришло, а Владислав так и не объявился ни на службе, ни дома. Позже выяснилось, что его не было на службе и вчера. Я уже не находил себе места от дурных предчувствий. Дворник Федосей, когда я стал расспрашивать его о Щелкунове, сказал, что последний раз он видел его в воскресенье где-то около четырех часов пополудни. А когда я узнал, что он не ночевал дома и не явился на службу и в среду, тут меня и вовсе не осталось никаких сомнений, что с Владиславом что-то стряслось...

Гавриков замолчал и убито посмотрел на судебного следователя. В эту минуту Гавриила Ивановича посетила горькая мысль: он больше никогда не увидит своего друга...

– В воскресенье, согласно вашего заявления, – глянул следователь Воловцов на листок бумаги, лежавший перед ним, – что вы, Щелкунов и отставной унтер-офицер Дынник обедали в трактире «Лондон», что на Охотном ряду, – повернул допрос в нужное ему русло Воловцов.

– Именно так и было, – без эмоций ответил Гавриил Иванович.

– Щелкунов вел себя, как обычно?

Гавриков неопределенно пожал плечами:

– Все было, как обычно.

– Может, вы заметили в нем какие-либо перемены? Может были какие-то странности? Или он был чем-то обеспокоен или взволнован? – поинтересовался Иван Федорович.

– Ничего такого за ним не припомню. Все было, как обычно, – немного подумав, произнес Гавриков.

– А он куда не торопился? Может, у него была назначена с кем-то встреча? – спросил Воловцов.

– Нет, он куда не торопился. Касательно встречи... – Гавриил Иванович чуть пожал плечами. – Нет, он ничего мне не говорил.

– А вот такой вопрос у меня... Скажите, господин Гавриков, – тут Иван Федорович немного помолчал, после чего продолжил, – а не было ли у Владислава Сергеевича причин... наложить на себя руки?

Такой вопрос Иван Федорович задавал неизменно, когда вел дела, связанные с неожиданными исчезновениями (так положено по протоколу), вот только ответ всякий раз был эмоционально разный: от подчеркнуто холодного, до откровенного негодования. Воловцов даже невольно напряг слух, чтобы получше различить тональность.

В глазах свидетеля мелькнула некоторая растерянность, а потом Гавриков ответил со сдерживаемым возмущением:

– Не было и не могло быть.

– Понятно... А каково было его финансовое положение? – не унимался судебный следователь по особо важным делам. Может играл на скачках или карты?

– В полном порядке, – отозвался собеседник Ивана Федоровича. – Он был на хорошем счету и получал очень достойное жалование. А дурных пристрастий не имел.

– Может женщины? – коротко спросил Воловцов.

Гавриков глянул на него немного удивленно:

– А что женщины... Не было у него никаких особых привязанностей к дамам. Да и не юноша он, знаете ли, чтобы из-за несчастной любви в петлю лезть. – Гавриил Иванович немного помолчал и заключил с пушей убежденностью: – Нет, господин судебный следователь, все у Владислава было благополучно.

Следующим на допрос Иван Федорович вызвал отставного унтер-офицера Дынника. Бывший военный держался уверенно и его ответы примерно соответствовали тому, что уже поведал Гавриков.

– А могли бы вы мне сказать, как вел ли себя Щелкунов в воскресенье десятого января? Может заметили в его поведении какие-то странности? – задал Воловцев следующий вопрос, надеясь услышать нечто несходное.

Отставной унтер-офицер малость подумал, а потом не очень уверенно произнес:

– Он был чем-то весьма доволен.

– То есть? – оживился Иван Федорович, желая услышать продолжения.

– Ну, доволен был, улыбался все время... Не часто его таким приходилось лицезреть, – не зная, чего от него хочет Воловцов, произнес Дынник. – Как кот, наевшийся сметаны, – пояснил отставной унтер, полагая, что судебный следователь его понял. – Разве только не мурлыкал

Воловцов понял. Н дело не в этом, при допросе важно не то, что понял или о чем догадался судебный следователь, а то, что самолично сказал сам допрашиваемый. Поэтому Иван Федорович попросил уточнить:

– А как вы полагаете, Щелкунов был доволен тем, что уже произошло, или тем, что скоро должно было случиться?

Отставной унтер-офицер Дынник искоса глянул на судебного следователя по особо важным делам и ответил весьма философски:

– А кто ж его знает... Я же не гадалка.

Опросив приятелей Щелкунова, следователь Воловцев отправился в трактир "Лондон" на Охотном ряду, где вечером в воскресенье десятого января обедали в пятом часу пополудни Щелкунов, Гавриков и Дынник. Обслуживал их столик половой Микула, – в белой ситцевой рубашке навывпуск и таких же шароварах, заправленных в сапоги на плоском ходу, – прекрасно помнивший собравшуюся компанию:

– Как же как же, помню. Весьма почтенные господа.

– Послушай, голубчик, а что заказала эта троица?

– Пива «Баварского» заказали, – пробасил половой. – Крепко пили... Расстегаев господам подавал, разговаривали длинно и много... Слушали механический оркестрион. Уж, больно он им понравился.

– А когда они разошлись?

– А разошлись они уже в седьмом часу вечера, – показал трактирный половой на часы, висевшие у самого входа.

С тех пор судебного пристава Владислава Сергеевича Щелкунова никто более не видел.

Проживал судебный пристав в трехэтажном доходном доме Поляковых на Моховой. Дом небольшой, всего-то на двенадцать квартир с восемью окнами по фасаду на каждом этаже. Квартиру Щелкунова Воловцову открыл угрюмого вида домовладелец в присутствии околоточного надзирателя, в чьем ведении был данный участок Москвы.

Прошли вовнутрь. Ничего особенного. Холостяцкая квартира, где вещи на первый взгляд лежат, как-то несуразно, – книги на топчане, рубашки с сюртуком на стульях, – а на самом деле таким образом, чтобы сразу найтись. А так все чистенько, благопристойно, сразу видать, что хозяин человек чистоплотный и весьма аккуратный. Любит порядок. А это значит, что судебный пристав не уехал, никого не предупредив, как это порой случается, когда приходит срочная телеграмма с извещением о кончине какого-нибудь близкого родственника.

– Может он... того, пошел куда-нибудь в ближайший лесок да задавился? – прямолинейно высказал предположение околоточный надзиратель, повидавший на своем веку всякого, и с надеждой глянул на Ивана Федоровича и для пущей убедительности добавил: – С господами такое случается иной раз.

Воловцов качнул головой:

– Нет, батенька, не так все просто. Проверяли! Для такого решения нужны крепкие основания, а их по делу не имеется, – столь же уверенно заявил он. – Взгляните сами: все вещи на своих местах, да и убирались тут недавно. Вот вы стали бы проводить уборку в квартире, решив свести счеты с жизнью?

– Ну-у... Не знаю. Как-то не думал.

– Вот видите, – одержал небольшую победу Воловцев. – К тому же задавиться, как вы выразились, удобнее дома, нежели идти куда-то на лютый холод и отмораживать причинное место, да еще, плутая, выискивая безлюдный закуток...

– Ну может, на службе у него были какие-то нелады, – не столь уверенно предположил околоточный надзиратель.

– В вашем лице, батенька, пропадает самый настоящий Пинкертон... Когда будете работать в нашем ведомстве, вам цены не будет! Но здесь, смею вас разочаровать, на службе у разыскиваемого нами человека тоже было все в полном порядке. Тут нечто иное, что мы и должны прояснить, – в некоторой задумчивости добавил Иван Федорович.

Предположение Воловцева оправдалось, когда они, миновав гостиную, вошли в кабинет судебного пристава.

Первое, что Ивану Федоровичу бросилось в глаза, – один из ящиков бюро валялся вверх дном на полу. Остальные ящики дубового бюро были выдвинуты более, чем наполовину, и все их содержимое, – перья, склянки, бумаги, письма, – было перевернуто и выворочено, словно в

них что-то искали в большой спешке. Затем Воловцов обратил внимание на жженные спички, валявшиеся в центре помещения. Их насчиталось добрая дюжина. Все это значило, что в домашнем кабинете судебного пристава Щелкунова был произведен обыск или обнatchка, выражаясь на языке уркачей.

Вряд ли такую сумбуурность произвел хозяин квартиры, судя по тому, что увидели в гостиной, Щелкунов прекрасно знает, что и где у него лежит, а вот незваные гости, что шимонали¹ его квартиру, – этого отнюдь не ведали. К тому же они очень не хотели, чтобы со стороны улицы был замечен свет, поэтому жгли спички, но не запалили керосиновую лампу, стоящую неподалече.

В одном из ящичков бюро были обнаружены несколько фотографических карточек (к сожалению, ни на одной из них не был запечатлен сам Владислав Щелкунов) и личные документы Владислава Сергеевича. Находка лишний раз доказывала, что никуда судебный пристав не уезжал, и что с ним стряслось "нечто иное", – судя по всему, весьма похожее на преступление. А вот что тут рыскали злоумышленники в квартире Щелкунова и нашли ли они это – оставалось неразрешенным...

При выходе из квартиры Иван Федорович тщательнейшим образом осмотрел замок входной двери. Вырисовывалась странная картина: мало того, что замок не был взломан, на нем отсутствовали даже малейшие царапины. Судебный следователь по особо важным делам был уверен, что если разобрать замок, то и внутри него не будет найдено никаких повреждений. Это означает лишь одно: замок открывался родным ключом.

– Скажите, а кроме как у вас, были ли еще у кого-нибудь ключи от этой квартиры? – обратился Воловцов к домовладельцу.

– Ни у кого, – уверенно ответил тот. Подумав малость, добавил с некоторым сомнением. – Ну если сам постоялец не изготовил дубликат и не передал кому-то. Но это у нас запрещено, – добавил представитель обширной семьи купцов Поляковых, спокойно выдержав пристальный взгляд Воловцова.

Опрос соседей нового не добавил. Кто заходил в квартиру Щелкунова (скорее всего вечером, в воскресенье десятого января) они не видели, а самого судебного пристава лицезрели последний раз в воскресенье в районе четырех часов пополудни, когда он выходил из дома. А вот дворник Федосей Бубенцов поведал нечто интересное.

– Вы видели посторонних людей в воскресенье вечером? – спросил Воловцев у дворника, когда опросил всех соседей.

– Я как раз снег лопатой сгребал, – показал он в сторону большого сугроба в самом углу двора. – Холодно мне было, ну я и зашел в дворницкую, чтобы малость согреться. Кипяток в кружку заливаю и в окно смотрю, а тут из дома вышел господин в двубортной шубе, крытой черным кастором, и в большой бобровой шапке. Я к нему приглядываться стал, вроде бы среди наших жильцов нет такого. А он, проходя мимо дворницкой, поднял воротник шубы. Так я его лица и не разглядел.

Воловцов вновь опросил соседей судебного пристава Щелкунова, но согласно их показаний никто из них гостей в тот день у себя не принимал. Напрашивалось предположение, что приходил господин в двубортной шубе и меховой шапке единственно к Щелкунову. Вернее, не приходил, а проник в его квартиру, воспользовавшись настоящими ключами.

Вернувшись в дворницкую, Воловцов сказал дворнику:

– Вот что, батенька, вы мне поподробнее расскажите о том человеке в шубе, – присел он на шаткий стул. – Какого он роста, широк ли в плеча, какая походка... Может еще что-нибудь вспомните.

¹ Шимонать – обыскивать (жарг.).

– Я его вначале, стало быть, принял за их благородие Владислава Сергеевича, господина Щелкунова то есть, – принялся охотно пояснять дворник Бубенцов. – У него точно такая же шуба и шапка имеются. И роста он такого же... А потом гляжу, а воротник-то на шубе иной. У Владислава Сергеевича воротник из камчатского бобра, а у господина, что из дому вышел – из польского. Камчатский бобер он такой, с проседью, и в море проживает. У него мех ценнее, а стало быть, дороже. А польский бобер – он по речкам живет, и мех у него поплоче будет... А походка? – пожав плечами, добавил: – Обычная походка.

– А во сколько тот господин из дому-то выходил? – в тон дворнику спросил Воловцов.

– Да почитай в десятом часу будет, ежели, стало быть, не в половине десятого, – чуть подумав, ответил Федосей Бубенцов и принял крайне деловитое выражение лица, как человек, сообщивший значимую вещь, а потому тоже являющийся важной персоной.

– Описать этого человека сможете? – посмотрел на дворника Иван Федорович.

– Чевой-то? – удивлённо уставился на него служитель метлы и лопаты.

– Рассказать о том, как выглядел тот человек, что в десятом часу вечера в воскресенье из дому вышел, сможете? – терпеливо повторил судебный следователь по особо важным делам.

– Ну, а чего не смочь-то? Смогу, стало быть, – изрек Федосей Бубенцов и выдал: – Он был со спины похож на Владислава Сергеевича. А с переду, стало быть, нет...

– Что значит: «с переду нет»? – уже не столь спокойно спросил Воловцов. – Он был старше или моложе Щелкунова?

– Чай, чуток постарше, – заключил дворник.

– А какое у него было лицо?

– Ну, обнокновенное. С усами, стало быть, – последовал ответ. – Как у барина положено.

– Полное, худое?

– Чевой-то?

– Лицо, спрашиваю, полное или худое у него? – похоже, начал заводиться Иван Федорович.

– Обнокновенное...

Дальше допрашивать дворника не имело смысла. Да и не было необходимости. Все, что надлежало узнать в первую очередь, было установлено: этот усатый и со спины похожий на Щелкунова, но летами старше его, навевался, скорее всего, в квартиру судебного пристава. Причем открыл этот некто квартиру Щелкунова предположительно настоящими, а возможно, собственными ключами пропавшего судебного пристава. Это означало, что усатый и есть преступник или является его сообщником. А отсюда вытекают два варианта: либо Владислав Сергеевич был уже мертв, либо он удерживался злоумышленниками с целью вытребовать у него деньги, ценные бумаги или какие-то документы, представляющие ценность для самих преступников.

Глава 2. Три категории женщин

Эмилия Бланк, прехорошенькая девица небольшого росточка и девятнадцати лет от роду, вошла в комиссионерскую контору первого разряда «Гермес» с милой улыбкой благодетельницы, собирающейся совершить значительное пожертвование в пользу бедных сирот или престарелых вдов. Прошелестев платьями мимо двери с табличками «Отдел заказов», «Бухгалтерия» и «Касса», девица смело подошла к двери с табличкой «Директор». Негромко стукнув для приличия пару раз, девица отворила дверь и уверенно прошла в небольшой кабинет, где за столом восседал крупный седовласый мужчина с большим ртом и глубокими морщинами на лбу, оставленными неисчислимым количеством разгульных ночей, каковых могло бы быть значительно меньше, не имей он разудалого характера. Настроение его было, кажется, прескверное. На вид мужчине было около пятидесяти лет. По его лицу и взгляду, что он бросил на вошедшую гостью, разбирающийся в физиогномике человек уверенно заключил бы, что этот

господин большой любитель женского полу. И что к пятидесяти годам это увлечение не только не умалилось, но кратно усилилось, превратившись в некоторый приятный род занятий...

– Вы директор этого заведения? – милым голосом пропела девица, влажно блеснув из-под черной вуалетки темными пронизательными не по годам глазами.

– Да, я директор сего заведения, – добродушно улыбнулся крупный седовласый мужчина, у которого настроение с появлением Эмилии Бланк быстро поменялось в лучшую сторону. С удовольствием разглядывая ладную фигурку посетительницы и ее хорошенькое личико, он со всей почтительностью добавил: – Слушаю вас внимательно, сударыня... Всецело к вашим услугам.

Девица слегка смутилась, что, впрочем, было простым лукавством с ее стороны, и произнесла чисто ангельским голосом:

– Я по поводу объявления в «Московском листке». Вам ведь нужен управляющий в магазин галантерейных товаров, что открывается на следующей неделе? Я бы с удовольствием заняла это место. Смею вас уверить, что я справлюсь не хуже мужчины...

– Гм, – последовал ответ. – Неожиданное предложение.

Седовласый директор комиссионерской конторы первого разряда продолжал разглядывать девицу, явно получая от созерцания ее фигуры немалое эстетическое удовольствие. Опытные по части женского полу мужчины – а седовласый и большеротый директор-комиссионер по имени Рудольф Залманович Вершинин был именно таковым – с одного взгляда определяют к какой категории относится женщина, попадающаяся им на глаза. Таковых категорий, как считают эти мужчины, всего три: доступные женщины; женщины, доступные со временем; и недоступные женщины (хотя при должном рвении и наличии свободных средств таковых не бывает). Причем приоритетными для значительной части таких мужчин являются две категории женщин: доступные и доступные со временем.

С доступной женщиной понятно: получить удовольствие с минимумом денежных и временных затрат – кто ж от такого откажется! Категория женщин «доступные со временем», можно и потрудиться, если уж она прехорошенькая. Постучать копытами, подобно боевому коню перед схваткой, потратиться на подарки, а там желанный плод сам упадет в руки. А вот брать штурмом недоступных женщин, рассчитывая на успех, здесь должен быть кураж и подобное настроение.

Многих опытных мужчин привлекают недоступные женщины именно из-за их недостижимости. Взять такой Шлиссельбург зачастую становится единственной мечтой мужчины, а для некоторых превращается в смысл жизни.

Рудольф Вершинин был из тех мужчин, что предпочитали исключительно доступных женщин и не желали терять время на обхаживание прочих их разновидностей (чего же бить кулаки в грудь, ежели в достатке имеются дамы попроще?). Безошибочно почувствовав, что перед ним именно такая, причем молоденькая, свеженькая и удивительно прехорошенькая, он уже принял решение, как ему надлежит поступить. Правда, перед этим не лишне поиграть в строгого начальника...

– Хотя... Почему бы и нет? Вуалетку поднимите, – произнес Рудольф Залманович таким тоном, словно в приказном порядке настаивал оголить грудь.

Эмилия не сразу, но покорно исполнила просьбу-приказ директора комиссионерской конторы. Вершинину понравилось слегка затяжная пауза между его просьбой и исполнением; выдержана ровно настолько, чтобы он ощутил некоторое сопротивление и одновременно готовность к следующему шагу. «Если она будет так же покорно исполнять и private просьбы, – подумалось ему, – буду считать, что мне наконец-то улыбнулась фортуна».

Их взгляды пересеклись, как если бы они обменялись потаенными мыслями. Многие слова были не нужны: они прекрасно понимали друг друга и почувствовали некое родство...

– Как ваше имя? – спросил Рудольф Залманович.

– Эмилия Адольфовна Бланк, – произнесла девушка.

– Будьте добры ваши рекомендательные письма, – попросил директор комиссионерской конторы, на что Эмилия просто ответила:

– У меня их нет. Я совсем недавно покинула родительский дом и еще нигде не служила.

– Хорошо, – констатировал Вершинин. – А как насчет обеспечения в шестьсот рублей, о котором говорилось в объявлении?

– Денег таких я не имею. Полагаю, у моего папеньки таких денег также нет, а если бы и были, то он вряд ли бы выложил их ради меня, – виновато улыбнулась девица и посмотрела на седовласого директора комиссионерской конторы таким светлым ликом, что натурщицы эпохи Ренессанса просто плакали от зависти, а сам он сделал однозначный вывод: «Эмилия Адольфовна не только доступна, но и весьма порочна», что, впрочем, его весьма устраивало. А если быть откровенным: гостья была для него настоящим подарком, которого Рудольф Залманович столь долго ждал; оставалось только грамотно им распорядиться.

– Ну, тогда места управляющей вы не получите, – чуть насмешливо констатировал директор комиссионерской конторы первого разряда. – Зато я предоставлю вам другое место... – добавил он и плотоядно улыбнулся. – Я сейчас отправляюсь обедать, и приглашаю вас пойти со мной. Хотите составить мне компанию?

Эмилия Бланк, немного подумав, милостиво согласилась. Пообедать ей сейчас не мешало, поскольку с утра у нее не было во рту и маковой росинки. А в кошельке, что находился в ридикюле черного бархата, лежали всего шестьдесят восемь копеек.

Когда они выходили из директорского кабинета, то во след им с хитринкой в прищуре томных глаз посмотрел лишь стоящий на письменном столе бронзовый Гермес, бог торговли, прибыли и лукавства. Сей божок заявляется всегда против всякого ожидания, благодетельствует, принесет желанный достаток, а потом вдруг исчезает в тот самый момент, когда его помощь особенно необходима, легко разрушая до основания прежнее, казалось бы, незыблемое благополучие. А ведь он только что был рядом, в образе смешливого юноши в каком-то легкомысленном головном уборе.

Когда они вышли за порог, плутовская физиономия бога Гермеса дурашливо улыбалась.

* * *

Эмилия не лукавила, сказав, что «совсем недавно покинула родительский дом». Только «недавно» прозвучало в этой фразе, как не более двух недель, а на самом деле ее уход из дома случился вот уже более трех месяцев назад.

Отец, вдовствующий мелочный торговец, дела которого шли из года в год все хуже, замучил Эмилию придирками, как она считала, и не давал жить, как ей хотелось. Сменив за последние два года три гимназии, – из двух предыдущих ее выгнали, но не за неуспеваемость (с этим как раз у нее все было в порядке), а за несдержанный язык, а также за патологическую ложь, изворотливость и сеяние раздора между воспитанницами гимназии – она сумела, наконец, закончить полный курс. И все свое время проводила в чтении бульварных романов и любовной переписке сразу с двумя кавалерами. Перехватив однажды одну такую записочку, отец Эмилии пришел в ужас от ее фривольного содержания и в отчаянии обратился к знакомому врачу, полагая, что с его дочерью что-то не так в психическом отношении. Рассказав ему про имеющиеся проблемы с дочерью, лекарь получил совет провести с Эмилией гипнотический сеанс и попытаться если не направить ее на праведный путь, то хотя бы скорректировать ее поведение и внушить ей примитивные понятия о морали и добродетельности.

После первых тридцати секунд выяснилось, что Эмилия легко поддается гипнозу, – быстро впала в гипнотический сон и с точностью исполнила все установки и внушения врача. Однако гипнотическая терапия дала сбой в самом начале лечения, как выяснилось, Эмилия легче поддавалась именно внушениям зла, нежели добра. Под гипнотическим воздействием вместо того, чтобы покаяться и пожалеть о свершениях неблагоприятных поступков, Эмилия с

некоторой долей бахвальства и даже гордостью рассказала о своем первом любовнике негодянте по фамилии Вахрушин, с которым она жила, как женщина, начиная с выпускного класса гимназии.

Удобно раскинувшись на стуле, она рассказывала:

– Мы очень славно проводили с ним время, и он многому меня научил... – здесь она кокетливо хихикнула так, что сердце больного отца страдальчески сжалось: выслушивать подобные откровения любимой дочери едва хватало сил. – А потом он уехал за границу, – с обидой в голосе завершила свой рассказ о негодянте Эмилия. – Обещался взять меня с собой в Париж, да обманул...

Гипнолог попытался войти в ее подсознание, попытался изменить порочное мышление, поломать сложившейся неверный стереотип, скорректировать её поведение и направить его по правильному пути, но добиться нужного эффекта ему так и не удалось: где-то в подсознание находился блок, который никак не удалось преодолеть, а именно он всецело определял ее поведение. Так окончился неудавшийся гипнотический сеанс. Лечение не состоялось. Не желая больше знать о своей дочери скверное и отчаявшись вытравить в ней порочность с помощью гипнотических сеансов, Адольф Бланк решил занять ее каким-либо делом. Воспользовавшись своими связями, он пристроил ее на двухгодичные педагогические женские курсы при «Обществе воспитательниц и учительниц». По окончании курсов, Эмилия должна была сделаться педагогом и учительницей начальных классов школ и училищ. А это постоянная занятость и большая ответственность. Лучшего «лекарства» от скверных поступков для непутевой дочери и не придумать. Однако Эмилия становится педагогом и учительницей малых детишек отнюдь не собиралась и вскоре забросила учебу. А чтобы не выслушивать упреки и занудные наставления вконец расстроенного папеньки, ушла из дома, прихватив двести рублей, – все деньги, что имелись в доме.

Поступив разумно, а главное экономно, Эмилия Бланк сняла небольшую квартирку в деревянном двухэтажном доме на Божедомке недалеко от Мещанской полицейской части и стала весело и бездумно проводить дни в компании молодых повес, сытно и хмельно проживающих свою жизнь. Парочка мимолетных необременительных романов, случившихся с ней в это время, особой радости не принесли и вскоре стерлись из памяти за ненадобностью.

А потом в ее жизни появился граф Белецкий...

Ему было тридцать четыре года. Красавец, сердцеед и, по слухам, обожатель прехорошеньких женщин, он не мог обойти своим вниманием весьма привлекательную и молоденькую Эмилию Бланк, приобретшую к тому времени значительный любовный опыт.

Однажды, очутившись в одной компании, граф остановил свой острый взгляд на миленькой прехорошенькой девушке, весело хохотавшей над довольно скабрёзной шуткой.

– Чья эта смазливая барышня? – поинтересовался граф у своего приятеля, указав на Эмилию.

Тот ответил, что барышню зовут Эмилия Бланк, в прошлом она была подружкой Кости Полторацкого, а ныне – приятельница Андрюши Сенявина.

– Кокотка? – уже с большим интересом глянул Белецкий на Эмилию.

– Пожалуй, так, – чуть подумав, согласился с определением графа его приятель.

Представившись Эмилиии, граф, не особенно долго раздумывая, почти прямым текстом предложил ей стать его содержанкой. Эмилия не наградила Белецкого пощечиной, не фыркнула презрительно и лишь поинтересовалась, какое месячное содержание положит ей граф.

– Двести рублей в месяц, – ответил Белецкий и, заметив, что по лицу Эмилиии пробежала тень, тут же поправился: – прошу прощения, оговорился... триста!

Поначалу он приходил к Эмилиии два раза в неделю. Потом три. С началом осени девятьсот третьего года граф Белецкий начал посещать шикарную квартиру Эмилиии Бланк, что он снял для нее в доме Ильиной в Большом Спасском переулке, едва ли не ежедневно.

О любви речь не шла, тут было другое. Скорее всего, он испытывал к ней сладострастие, которое все более нарастало и в последние месяцы овладевшее графом всецело, буквально с головы до пят. Не вдаваясь в подробности, следует признать, что юная Эмилия умела доставить удовольствие мужчине и не чуралась самых искусных приемов обольщения. Любовные кульбиты проделывались с большим удовольствием, с неременной улыбкой, что всегда так завораживало графа... Словом, лучшей любовницы он не встречал, не смотря на свой немалый донжуанский список. Однако в их отношениях имелось одно мелкотравчатое «но»: граф Белецкий был женат. Его супруга Екатерина Романовна, урожденная княжна Голицына, также была хороша и лишена каких бы то ни было изъянов, однако ей граф предпочитал Эмилию Бланк. Отчего, черт побери, так зачастую происходит, когда то, что наличествует под рукой, ценится менее того, что пребывает в отдалении? А потому, что достаточно протянуть руку, чтобы забрать его. Не нужно прилагать каких-то особых усилия для обладания, а в отдалении – чужое. Часто запретное. Поскольку ягода с чужого огорода всегда слаще.

В один из ненастных октябрьских дней вместо графа на квартиру Эмилии Бланк заявила графиня со своим лакеем или кучером, статью похожим на всемирно известного силача Георга Луриха. Екатерина Романовна остановила на Эмилии свирепый взгляд. Будь на ее месте кисейная и нежная барышня, то наверняка бы грохнулась от страха в обморок. Однако Эмилия взгляд графини уверенно выдержала, что привело наследницу Гедиминовичей в неописуемую ярость.

– Она еще и смотрит на меня, шалава эдакая! – ядовито прошипела графиня. – Гришка, забери у этой шлюхи все деньги и украшения, а ее саму вышвырни из комнаты!

Огромный, – на две головы вышел Эмилии, – и могучий как медведь, слуга подступил к ней вплотную и проговорил мирно:

– Вы бы уж сняли с себя ожерелья, барышня, да вот колечки на вас еще с зелеными камушками... Уж больно мне не хочется силу применять. Ну а как снимите, можете топтать себе восwoяси, никто вас трогать не станет.

Сняв с себя бриллиантовое кольцо и сдернув с длинных тонких пальцев кольца с изумрудами, Эмилия швырнула их на пол и, подхватив шкатулку с секретера, шагнула к выходу.

– Вы бы оставили шкатулочку-то, – преградил путь слуга графини.

– Это мое, – воспротивилась Эмилия, – все это было у меня до встречи с графом!

Голицына подступила к Эмилии вплотную. Богато одетые, одного роста, они выглядели родными сестрами.

– Забери у этой дряни шкатулку, – прошипела Екатерина Романовна, – пока я ей все кудлы не вырвала!

Бросив шкатулку в угол, Эмилия быстрым шагом вышла из квартиры.

После произошедшего инцидента Эмилия Адольфовна была принуждена вернуться в свою квартирку на Божedomке, которая в сравнении с шикарными апартаментами в Большом Спасском переулке казалась теперь жалкой коморкой. Беда была еще и в том, что Екатерина Романовна отобрала у Эмилии не только украшения, подаренные графом Белецким, но и ювелирные безделицы, которые оставались у нее от уехавшего в Европу негоцианта Вахрушина. Сохранились лишь кое-какие деньги, которые Эмилия весьма скоро прожила. Положение усугублялось тем, что ее приятели, с которыми она еще недавно славно и беспечно проводила время, как-то разом отвернулись от нее и перестали признавать. А навязываться она не желала.

В одной из кондитерских, где она однажды позволила себе чашечку горячего шоколада, на столике лежала оставленная кем-то газета «Московский листок». От нечего делать Эмилия полистала его и наткнулась на объявление, где комиссионерская контора первого разряда «Гермес» объявляла о скором открытии нового магазина и о появившейся в связи с этим вакансии управляющего, имеющего возможность предоставить денежное обеспечение залога в сумме

шестисот рублей. Таких денег у Эмилии не оказалось, но она решила положиться на свою привлекательность и на некую тайную силу, используемую в общении с мужчинами.

И она не погадала... Сазан заглотил крючок.

* * *

Кушали консоме из дичи, филе а-ля годар, разварного осетра и пирожное-буше с маседуаном, – объединенье!

Говорили о разном, но понемногу. Эмилия, время от времени поглядывая на Вершинина, твердо уверовав, что она вытащила счастливый билетик в будущее, и теперь у нее опять будет все в полном порядке. Мужчина, что сидел напротив нее, ей определенно нравился. И наружно, и тем, каковым он представлялся внутри. Чувствовалось некое родство душ, позволяющее вести себя с ним непринужденно, не примеряя подходящую маску, которых, несмотря на ее юный возраст, в арсенале Эмилии было припасено немало. А то, что он был значительно старше ее, так это, скорее всего, хорошо, нежели чем скверно. Да и не замуж же она собралась за него в конце-то концов! Что же касается ее ровесников, то уж слишком они неорганизованные и беспечны, а еще у них в голове слишком много ветра. Все спешат, постоянно куда-то торопятся куда-то. Даже в любовных утехх делают все на скорую руку, как кобели в подворотне с сучкой. Не то, что люди в возрасте, эти никуда не торопятся: ласки проводят обстоятельно, наслаждаются каждой прожитой минутой...

Вершинин, бросая редкие взгляды на Эмилию, думал, что смазливая девица может сослужить ему хорошую службу не только как содержанка, но и компаньонки в рискованных предприятиях, о которых он все чаще задумывался. Конкретные планы пока не вырисовывались, имелись лишь некоторые расплывчатые соображения, понемногу приобретающие форму, но то что они будут расходиться с буквой закона, в этом Вершинин был абсолютно уверен. Не сомневался он и в том, что Эмилия будет в щекотливых делах компаньонкой, поскольку также испытывал некоторое родство душ, как говорится: рыбак рыбака видит издалека, а если более точно – два сапога пара...

– А теперь может быть ко мне, милочка, – предложил Вершинин, когда они пообедали. – Я тут живу неподалеку. Отдохнем... А то день какой-то несуразный выдался. Не возражаете?

– Отчего ж... Можно немного и отдохнуть.

– Вот и славно! – весело откликнулся Рудольф Залманович.

Вершинин снимал меблированные комнаты в одном из доходных домов на Ильинке в нескольких шагах от своей комиссионерской конторы. Прошли в меблированные комнаты. Эмилия подняла бархатные глаза на своего спутника:

– Я бы хотела принять ванну.

– Не нужно, – с легким хрипом произнес Рудольф Залманович. – Я бы хотел посмотреть на тебя, как ты раздеваешься.

– Ну что ж, извольте, – с улыбкой произнесла Эмилия и потянула за шнур платья.

Среди пошлой обстановки мебелишек на широком кожаном диване все и произошло.

Весь последующий день из комнат они не выходили, так что поутру Вершинин чувствовал себя совершенно разбитым, а вот Эмилия, напротив, выглядела свежей и весело щебетала, расхаживая по спальне в прозрачном пеньюаре, под которым вполне явственно различалось ее совершенное тело. Потом она бросилась на постель к находящемуся в полудреме Рудольфу Залмановичу и, поцеловав его в щечку, промолвила:

– У меня остались сушие копейки. Если ты меня прогонишь, мне придется ночевать на вокзале.

– Живи здесь покуда, – заявил Вершинин. – Потом найдем для тебя что-нибудь попрличнее.

Так Эмилия Бланк искала место, а нашла любовника, что ее совершенно устраивало.

Глава 3. Откуда берутся трупы

С чего начинать и в какую сторону направить поиски, у следователя Воловцова сомнений не возникало. Несмотря на заверения членов Совета судебных приставов, что Владислав Щелкунов никаких щекотливых дел в последнее время не вел и каких-либо серьезных конфликтов в связи с арестованием имущества, задержанием должников и взысканием с них денег не имел, Иван Федорович все же решил начать следствие именно в этом направлении. Не исключено, что у него были недоброжелатели по более ранним делам, связанные с арестом имущества.

Никто не испытывает добросердечной отрады, когда в ваш дом приходит судебный пристав и накладывает на ваше имущество арест, как на несостоятельного должника. Ведь ясно, как божий день, что арестованное имущество будет распродано на торгах в два раза меньше подлинной цены и не покроет сумму долга даже на половину. А значит судебный пристав придет еще раз и еще, покуда не вытянет из вас всю душу вместе с остатками долга и не передаст его взыскателю. После чего у вас не останется уже ничего, кроме штопанного исподнего белья и фотографических карточек Машеньки Гуляевой в купальне доктора Сульжинского на склоне Северного бульвара в Геленджике.

Где в таком случае гарантия, что у несостоятельного должника не появится решимости схватить подвернувшейся под руку кухонный нож и со звериным оскалом наброситься на судебного пристава, олицетворяющего в его глазах все ваши личные беды. Немногим позже, придя в себя и успокоившись, вполне возможно припрятать труп, да таким образом, чтобы его впоследствии невозможно было отыскать. Вариантов непочатый край: от закапывания трупа в дальнем уголке леса, до скармливания расчлененного тела свиньям.

Когда Воловцов получил из канцелярии судебной палаты затребованную бумагу со списком всех дел и поручений, исполнявших Щелкуновым в последнее время, то убедился, что щекотливых и конфликтных дел у Владислава Сергеевича Щелкунова, и правда, не имелось. Зато самым последним исполненным поручением судебного пристава было принятие со взыскателя некоего надворного советника Грацианова судебных издержек и обеспечения затрат на ведение дела на общую сумму в восемьсот шестьдесят два рубля сорок копеек. Деньги были весьма внушительные, ведь годовое жалованье самого судебного пристава Щелкунова составляло шестьсот рублей.

Деньги от взыскателя Грацианова Владислав Сергеевич получил в субботу девятого января ближе к вечеру. Если учесть, что к себе в служебную конторку ни вечером в субботу, ни на следующий воскресный день Щелкунов не навещался, стало быть, полученные от Грацианова деньги он хранил у себя на квартире. Не их ли искал господин в усах и двубортной шубе, похожий со спины на Владислава Сергеевича и воспользовавшийся его ключами? Если это так, то напрашивались ряд вопросов: сам ли Щелкунов отдал злоумышленникам ключи от своей квартиры или его кто-то его принудил к этому? А потом кто мог знать из посторонних о лежащих в его квартире столь приличной сумме? И конечно же главный вопрос: был ли жив на данный момент Щелкунов?

* * *

В Москве трупы находят зимой не часто. Не то что весной, когда начинает таять снег, и вдруг из подтаявшего сугроба пробивается к свету рука со скрюченными пальцами или заиндевевший сапог со сбитым набок каблуком. Но все-таки, иной раз судьба подбрасывает зимой участковому приставу такой вот неприятный "сюрприз", и тут хочешь не хочешь, а вынужден дотошно разбираться: кем обнаружено тело; при каких обстоятельствах и во сколько часов; кем был мертвец при жизни, а ежели по протокольному, кому принадлежало тело; и как так получилось, что он вдруг помер – насильственным образом или в силу в силу естественных причин. Трудности с выяснением личности погибшего появляются, ежели вдруг его никто не хватился, и его труп остался не востребованным...

Обычно о трупах участковым приставам и околоточным надзирателям докладывают дворники или ночные сторожа. Нередко сообщает и вездесущая ребятня, имеющая удивительную способность проникать в самые труднодоступные места, где месяцами не ступала нога обыкновенного человека.

подавляющее большинство трупов, это жертвы уличного мокрого гранда,² результат чрезмерного употребления водки или пьяных драк с ранениями от топоров, ножей, обрезков чугунных труб, булыжников и прочих предметов, способных выбить из тела душу. Случается, что становится трупом и приличный человек, которого посереде улицы хватил сердечный удар или коварная апоплексия. Правда, в этом случае тело все же бывает востребованным, поскольку у приличных людей обычно имеются друзья и родственники. Но бывает и так, что приличный человек становится жертвой насилия, и его неопознанный обезображенный труп может пролежать в морге некоторое время пока, наконец, не будет опознан родственниками. Неопознанные и невостребованные тела хоронят либо в общей могиле, либо единолично под порядковым номерком на кустарном кресте.

Таковыми невостребованными телами, совсем недавно еще живыми людьми, поступившими в московские морги начиная с воскресенья десятого января, стал интересоваться судебный следователь по особо важным делам коллежский советник Воловцов. Обойдясь без бюрократических проволочек, Иван Федорович устроил так, чтобы после утренних рапортов приставов московских частей всем четверем полицеймейстерам Первопрестольной о происшествиях, случившихся за истекшие сутки, сведения об обнаруженных покойниках поступали в канцелярию Московской судебной палаты. Начиная с момента, как Воловцову было поручено следствие по делу об исчезновении судебного пристава Щелкунова, Иван Федорович каждый день после обеда заходил в канцелярию палаты и забирал сию выборку по обнаруженным трупам с собой.

Интересного для следователя Воловцова покуда было мало. В воскресенье десятого января во дворе по самые окна вросшего в землю каменного одноэтажного дома в Малом Колосовом переулке был найден мужчина, изрезанный финским ножом, вероятно, в пьяной драке и истекший кровью к моменту обнаружения. На улице Большие Каменщики в понедельник ночной сторож обнаружил окоченевшего пьянчугу. В Лавровском переулке недалеко от Троице-Сергиевской лавры уже на рассвете, а стало быть, во вторник двенадцатого января дворник-татарин с непроницаемым именем Асылмардан Юмгалаков нашел в подворотне доходного дома в конце Ильинки раздетого до исподнего белья мужчину в годах с проломленной головой и свороченной набок челюстью. А вот в четверг в морг Лефортовской полицейской части привезли найденное на берегу Яузы неопознанное тело, принадлежащее мужчине лет под сорок или чуток менее. Описание его вроде бы сходилось со словесным портретом судебного пристава Владислава Щелкунова. И Иван Федорович, прихватив с собой для опознания Гаврикова, отправился в Немецкую слободу на Лефортовскую площадь.

Монументальное здание Лефортовской полицейской части на углу площади перед Лефортовским дворцом было выстроено без малого полтора века назад из тесаного камня со стенами толщиной в три четверти сажени,³ что помогло дому сохраниться в пожаре тысяча восемьсот двенадцатого года, когда сгорели более, чем две трети всех городских построек. Принадлежал особняк вначале суконных дел мастеру Вильяму Громею, а затем Матвею Григорьевичу Мартынову, бывшему придворному обер-фейверкеру, сумевшего дослужившемуся до чина генерал-поручика и принимавшего участие в допросах разбойника Емельки Пугачева в составе сенатской комиссии. После пожара восемьсот двенадцатого года дом приобрел директор Московского отделения Государственного ассигнационного банка Александр Иванович

² Мокрый гранд – грабеж с убийством (жарг.).

³ Сажень – мера длины, равная около 2, 134 метра.

Нестеров. А у него особняк выкупила казна для устройства Лефортовской полицейской части. После значительной реконструкции особняк, ставший трехэтажным, получил над мезонином деревянную и весьма высокую пожарную каланчу. В доме разместилась полицейская часть с арестантскими камерами, пожарное депо, казармы полицейских, канцелярия и прочие помещения, включая извозчицкую, женскую комнату и комнату повивальной бабки, в услугах которой время от времени случалась нужда, ежели, к примеру, у какой женщины возникла потребность рожать...

Морг появился при полицейской части вместе с деревянной часовенкой для отпевания. Правда, помещение у часовенки для размещения неопознанных покойников чаще называлось не моргом, а «хранилищем». И никакой речи тогда еще не могло быть об исследованиях трупов с признаками насильственной смерти. Однако возрастающая необходимость требовала решить этот вопрос и вскоре при часовне возникли две новых комнатки для опознания умерших и внешнего осмотра покойников на предмет причины их смерти. Затем в комнате внешнего осмотра трупов появилась парочка секционных столов и канализация. И покойников с признаками насильственной смерти стали осматривать и внутренне, то есть проводить вскрытие, чтобы распознать истинную причину смерти. Занимался этим полицейский врач, который квартировал опять-таки в доме полицейской части.

В одна тысяча девятьсот втором году деревянную часовенку с моргом сломали и на их месте поставили новую каменную часовню с главой-луковкой, венчающейся крестом. Помимо основного помещения часовни, имелась еще досмотровая комната и небольшой закуток с механической подъемной машиной. Под часовней находилось два помещения: ледник и собственно морг. В него-то и опустились Воловцов и Гавриков, для того чтобы взглянуть на неопознанное тело, найденное на берегу Яузы.

– Ну, что? – спросил Гавриила Ивановича Воловцов. – Он?

– Нет, не он, – уверенно ответствовал Гавриков, мельком глянув на лицо покойника и отойдя с сторону.

Собственно, как только полицейский врач откинул край простыни, прикрывающий лицо трупа, Иван Федорович понял, что перед ним отнюдь не судебный пристав Щелкунов. Владислав Сергеевич по описанию был выше среднего роста, нос имел римский, то бишь слегка удлинённый с немного загнутым кончиком, волосы прямые и светлые. Еще в словесном портрете Щелкунова, который к этому времени Иван Федорович знал, как «Отче наш», было примечательно то, что мочки ушей у судебного пристава были удлинёнными. У мужчины же, найденного на берегу Яузы, уши были оттопыренные и заметно заостренные кверху, как у рыси. Росту покойник был среднего, и хотя волосы его имели светлый оттенок, зато нос был вовсе не римский, хотя и с горбинкой. Словом, на секционном столе морга лежал отнюдь не судебный пристав Щелкунов.

Когда Воловцов и Гавриков выходили из морга, Гавриил Иванович спросил Ивана Федоровича:

– Как вы думаете, Владислав еще жив?

«Вряд ли», – уже хотел было ответить Воловцов, однако вслух произнес следующее:

– Я не знаю, милейший...

Глава 4. Новое сокровище Рудольфа Вершинина

В тот день, когда Эмилия Бланк вошла в комиссионерскую контору, у ее директора Вершинина в жизни наступил, можно сказать, критический момент: от последнего пятисотрублевого выигрышного билета пятипроцентного займа, внесенного в качестве залога одним из новых служащих конторы по фамилии Матевосян, оставалась всего пара сотен рублей. Были потрачены и все деньги компаньона, находящегося в отъезде. Все, милостивые государи, больше тратить было нечего. Комиссионерская контора первого разряда «Гермес» в скором

времени должна была с треском лопнуть с объявлением несостоятельности, то бишь банкротства. Что будет с ним дальше – Рудольф Залманович не ведал и не хотел думать, поскольку будущее ничего хорошего не сулило. И тут – появление этой девицы с соблазнительной порочностью во всем: взгляде, манерах, голосе... Надо было видеть, как она вошла в кабинет и как спросила, директор ли он. Герцогиня, да и только. Причем, прехорошенькая герцогиня. С такой ладной фигуркой, каковую он уже давненько не встречал и не заключал в объятия. И еще возникло ощущение, что судьба или провидение ниспослали ему эту девицу в роли ангела-спасителя, который поможет ему выкарабкаться из почти безнадежной ситуации и не свалиться в уже уготованную для него яму...

Она сказала, что прочитала объявление об открывшейся вакансии управляющего новым магазином и желала бы занять это место. На что она рассчитывала, не имея ни рекомендательных писем, ни суммы залогового обеспечения? Наивно полагать, что прелестница действительно намеревалась занять место управляющей магазином, на что у нее не имелось никаких шансов. Значит, был какой-то иной интерес, а сделаться управляющей магазином было лишь поводом для ее появления в кабинете Вершинина. Скорее всего, она рассчитывала понравиться директору комиссионерской конторы. Что ей, надо признать, удалось.

Звали девицу Эмилией Бланк. Когда Вершинин предложил ей пообедать вместе с ним, она согласилась.

Говорили за обедом немного, но Эмилия все же успела разоткровенничаться о том, что ее выгоняли из гимназий, и о сеансе гипноза, устроенном ее отцом, а также о негоцианте, соблазнившем ее и бросившем, уехав за границу. А что? Хорошенькие и ладненькие барышни тоже кому-то надоедают...

Слушая все это, Рудольф Залманович мотал на ус, покуда еще не ведая, как использовать девицу в своих интересах. Впрочем, один свой интерес Вершинин вскоре реализовал, пригласив Эмилию к себе в меблированные комнаты. Она согласилась и на это, а когда он в запале страсти стал срывать с нее одежды, она с не меньшей неистовостью стала срывать одежды с него. Упоение друг другом длилось долго. Эмилия исполняла все прихоти Вершинина, причем с явным удовольствием. Несмотря на юность, она была поистине совершеннейшим орудием сладострастия. Рудольф Залманович долго не мог насытиться своим новым приобретением и успокоился только к утру. И первой мыслью, что пришла к нему в голову после его пробуждения, была та, что нельзя допустить, чтобы Эмилия могла ускользнуть от него в ближайшем будущем. Успокоило его то, что девушка была совершенно без средств, и ей попросту негде было ночевать. Что ж. Покуда она от него зависит, ей никуда не деться...

* * *

Девять месяцев назад Рудольфу Вершинину стукнуло сорок восемь лет. К этим годам у нормальных людей уже имеется семья, положение и достаток. У Рудольфа Залмановича из перечисленного не имелось ничего. Если не считать положения директора комиссионерской конторы, во многом дутого, поскольку конторе осталось жить совсем немного. А ведь у него когда-то имелась и семья, и деньги. В двадцать два года ему посчастливилось жениться на доброй кроткой женщине с более, чем хорошим приданым. Ну чего еще желать? Казалось бы, живи, да радуйся. Впрочем, Вершинин так и поступил: стал жить и радоваться. Жить невероятно широко, а радоваться весьма бурно и часто. Через несколько лет просадил женино приданое на липовых коммерческих предприятиях, но более всего – на радостях с хорошенькими женщинами и дамами полусвета. На крохи, оставшиеся от приданого, Рудольф Залманович завел винокуренный заводик, и дела его вроде бы пошли неплохо. Однако неудачные спекулятивные предприятия и опять-таки слабость на женщин заставили его залезть в большие долги, в результате чего винокуренный заводик был продан с торгов, что отнюдь не покрыло всю сумму долга.

Несколько лет Вершинин перебивался мелкими коммерческими сделками, позволявшими ему поддерживать видимость прежнего достатка, затем он удачно провернул одну спекулятивную операцию и разжился кое-какими средствами. После чего, вступив с одним коммерсантом в товарищество, открыл с ним на паях комиссионерскую контору, занимающуюся посредническими сделками по предоставлению услуг по торговле и приобретению земли под строительство, сдаче и найму жилья, его приобретению и продаже, реализации строительных материалов и многого другого, что могло бы принести прибыль. Одними из последних дел являлись посреднические услуги по продаже тридцати меблированных комнат на Арбате за двенадцать тысяч рублей и реализация двух мест длиною девять и шириною пять аршин⁴ на кладбищах Донского и Новодевичьего монастырей за девятьсот рублей каждое. Деньги, полученные конторой за эти сделки, Вершинин давно профукал, затем залез в карман отсутствующему компаньону и истратил большую часть денег от обеспечения, внесенного в качестве залога одним из служащих конторы. Дальше было уже некуда. Хоть стреляйся! И вдруг – удача: девица Эмилия Бланк. Настоящее сокровище! Ведь красота, молодость и порок всегда имеют спрос. И на этом очень даже легко можно делать хорошие деньги...

* * *

Салон Софии Морель, вдовы капитана Федора Петровича Мореля, в доме на Домниковской улице близ Докучаева переуллка можно было бы назвать борделем, если бы в нем имелся штат блудниц, предоставляющих мужчинам платные интимные услуги. Но таковое в салоне капитанши Морель не практиковалось. Это был не дом терпимости, а дом знакомств. Или некий рынок наподобие большого базара женщин в Стамбуле, где любой желающий мог приобрести для себя правверную мусульманку, кавказскую девственницу, пленницу-славянку, а искушенный сластолюбец, жаждущий экзотики – стать хозяином покорной китайки или воинственной негритянки.

Собирались в салоне любители новых знакомств, предполагающих в скором времени интимную связь, которая по обоюдному желанию сторон могла либо продолжаться, либо закончиться сразу после первого раунда услуг. Посещение салона было платным. Для мужчин. Мужчины же, приведшие в салон женщин, получали обязательный табльдот,⁵ равно как и женщины, посетившие салон. Все остальные платили за еду и выпивку из собственного кармана.

Рудольф Вершинин был одним из «посвященных» и в салоне капитанши Морель считался своим. Когда он первый раз посетил салон Софии Морель с Эмилией, она если не наделала в салоне фурор, так несомненно обратила на себя внимание многих мужчин. В первый же вечер (естественно, с молчаливого согласия Рудольфа Залмановича) с ней свели знакомство молодой князь Георгий Асатиани; семнадцатилетний сын сахарозаводчика Терещенко Яша и престарелый маркиз де Гильи. Причем последний был крайне настойчив и тотчас предложил Эмилие содержание и разовое вспомоществование «на обустройство» в размере полутора тысяч франков.⁶ Казалось, вот она, «жар-птица», держи ее за хвост двумя руками! Однако Рудольф Залманович не счел нужным хвататься за первое попавшееся предложение, торопиться с решением не стал и задумал поводить покуда сластолюбивого старикана за нос, хотя Эмилия и была готова дать согласие на предложение престарелого распутника. Как опытный комиссионер, Вершинин решил попридержать товар с тем, чтобы какое-то время позже получить за него значительно большую цену. И не просчитался! В следующее посещение салона капитанши Морель, когда Рудольф Залманович, увидев, что Эмилие оказываются повышенные знаки внимания, удалился из салона под предлогом якобы неотложного дела, маркиз Антон де Гильи, едва не пуская слюни, предложил Эмилие, помимо содержания, уже две

⁴ Аршин – мера длины, равная 0,71 метра.

⁵ Табльдот – общий обеденный стол с единым меню.

⁶ 1500 франков это на начало 20 века около 560 рублей.

тысячи франков разового вспомоществования. Проинструктированная Вершининым Эмилия сделала вид, что не понимает, о чем идет речь и приняла предложение князя Георгия Асатиани скоротать вечерок в его загородном доме в Пушкине. Вкупе с вечерком Эмилия скоротала с князем и страстную ночь, после которой вернулась к Рудольфу Вершинину в мебели-рашки, имея в своем ридикюле восемь сторублевых банкнот и вексель на сумму двести рублей. На следующий день комиссионер с любовницей, *сдаваемой в аренду*, выехали из меблированных комнат, сняв пятикомнатную квартиру на той же Ильинке в пятиэтажном доходном доме подворья Троице-Сергиевой лавры.

В последующие дни Эмилия побывала в любовницах еще нескольких завсегдатаев салона Софии Морель, однако какой-либо значительной выгоды ни себе, ни Вершинину такие объятия не принесли.

Наконец, маркиз де Гильи созрел, и в одно из посещений Рудольфом Вершининым и Эмилией Бланк салона капитанши Морель предложил Эмилии помимо хорошего содержания единовременное вспомоществование «на обустройство» в сумме уже трех тысяч франков.

– Великолепно! – потирая руки, изрек Рудольф Залманович, когда Эмилия сообщила ему о предложении сластолюбивого старикана. – Маркиз предлагает тебе весьма сладкий десерт. Что ж, на такое предложение ты не ответишь отказом. Соглашайся, и мы вместе слопаем его до самой последней косточки!

– Как скажешь, милый, – ответила на тираду Вершинина Эмилия и улыбнулась, сделавшись на мгновение похожей на французскую фарфоровую лисичку, что некогда стояла на комод в их доме.

Рудольф Залманович кивнул и тоже улыбнулся. Дела складывались в последнее время очень удачно, что не могло его не радовать.

Глава 5. Преступление без труп

Первая неделя расследования закончилась тем, что Воловцов и Гавриков осмотрели четыре трупа, схожих по описанию со словесным портретом судебного пристава Щелкунова, и ни один из них не явился его телом.

Судебный следователь по особо важным делам Иван Федорович Воловцов в ведении следственных действий во многом руководствовался интуицией или даже инстинктом. То есть некой формой вдохновения, подобного чутью охотничьей собаки, нисходящего как бы случайно, однако не имеющего ничего общего ни с везением, ни с удачей.

Вот и теперь, когда направление розыска выглядело туманным, оставался единственный путь – двигаться на ощупь. Иван Федорович скорее почувствовал, нежели пришел к умозаключению, что смысла искать и надеяться, что судебный пристав Щелкунов еще жив, не имеется никакого. А то, что до сих пор не обнаружен его труп, значит лишь то, что злоумышленник или злоумышленники его хорошо упрятали. И еще возникла некоторая уверенность, что мотивом преступления является не месть и не противостояние служебным обязанностям Владислава Сергеевича, а деньги, что он получил от надворного советника Грацианова в счет судебных издержек и обеспечения затрат на ведение дела. Те самые, что оставил у себя дома...

В воскресенье семнадцатого января Воловцов побывал на премьере "Вишневого сада" Чехова в Московском художественном театре. Не то, чтобы он был заядлым театралом, как, к примеру, его непосредственный начальник председатель Департамента уголовных дел Судебной палаты статский советник Геннадий Никифорович Радченко. Вот тот был настоящий поклонник сцены, не пропускающий ни одного театрального события в Первопрестольной. А тут – премьера! Сам Станиславский в роли Гаева, а Леонидов в роли Лопахина. А каков был Фирс в исполнении Александра Артема! Василий Качалов блестяще исполнил Трофима, а Ольга Книппер-Чехова была неповторима в роли Раневской. Успех «Вишневого сада» был просто неизбежен.

В понедельник ближе к обеду Воловцов получил (наряду с прочими уведомлениями) известие о том, что в окрестностях города Дмитрова недалеко от деревеньки Игнатовки обнаружилось в завязанном мешке голое тело, по описанию похожее на словесный портрет судебного пристава Владислава Сергеевича Щелкунова. Ивану Федоровичу нездоровилось, но он все же наметил для себя отъезд в Дмитров назавтра, послав курьера к Гаврикову с записочкой, дабы тот в половине десятого утра был на Бутырском вокзале.

Утром во вторник Иван Федорович уже с трудом встал с постели. Ехать куда бы то ни было не представлялось возможным: раскалывалась голова, нос был заложен гноем, а сухой кашель рвал горло хуже всякого наждака. Но это все еще куда ни шло, можно было перетерпеть. Донимала ломота, будто на Воловцове неделю пахали, после чего сильно лупили батогами, куда не попадая. Пришлось телефонировать председателю Департамента уголовных дел Радченко и попросить его – поскольку он был не только начальником, но и другом Ивана Федоровича – чтобы тот примчался на вокзал, разыскал там Гаврикова и уговорил его ехать в Дмитров одного и оставил ему надлежащие инструкции.

Ближе к обеду на казенную квартиру Воловцова в Кавалерском корпусе Кремля появился старенький почтенный доктор в пенсне.

– Здравствуйте, – прошамкал доктор, раскрывая коричневый саквояж из потрескавшейся свиной кожи. – На что жалуетесь, сударь?

Ответа от Ивана Федоровича не требовалось: эскулап велел задрать рубашку, и когда Воловцов повиновался, доктор потер ладонью о ладонь, как бы согревая их, потом, приложив один палец к груди, стал отрывисто и коротко постукивать по нему согнутым указательным пальцем другой руки. То же самое он проделал со спины, прислушиваясь к извлекаемым звукам. Иван Федорович тоже пытался слушать звуки постукиваний, которые были то звонкими, то глухими, однако ничего в этом не понимал и через время начал полностью следовать воле старого доктора. А тот, тем временем, пробурчав что-то вроде «наличия жидкости в полости груди не наблюдается», достал из саквояжа древний, как он сам, деревянный стетоскоп и стал слушать дыхание Воловцова, поворачивая его из стороны в сторону и приказывая:

– Дышите... Не дышите... Дышите...

Старикан пощупал запястье, измеряя пульс, потом безапелляционно произнес:

– У вас инфлюэнца, милейший. Как с температурой?

Иван Федорович неопределенно пожал плечами. Доктор снова полез в свой саквояж, достал продолговатый футляр и вынул из него термометр.

– Суньте его под мышку и держите пять минут, – в приказном тоне промолвил доктор. А когда Воловцов сделал, что ему приказали, ему был задан прямой вопрос: – Вчера вы как провели день?

– Как обычно, – ответил Иван Федорович.

– А позавчера? – продолжал допытываться доктор.

– В театр ходил...

– Вот! – доктор торжествуя поднял вверх крючковатый указательный палец и тоном наставника, которого не подобает ослушаться, твердо произнес: – Там вы и подхватили инфлюэнцу. Большое скопление людей всегда способствует распространению болезнетворных вирусов. Дабы избежать заболеваний, надо всячески избегать лишних сношений с людьми.

– Так что, теперь, чтобы не заболеть, из дому нужно не выходить? – ворчливо произнес Воловцов.

– Может, оно и так, – посмотрел на больного старый доктор. – Ежели, конечно, хотите оставаться здоровым.

Через пять минут он велел вынуть термометр, посмотрел на его показания и хмыкнул.

– Ну, чего там? – поинтересовался Иван Федорович.

– А чего вы ожидали, расхаживая по театрам? Температура там, – недовольно пробурчал старикан.

Перечить Воловцов не стал. В общем-то старик прав: береженого Бог бережет...

Какое-то время лекарь что-то писал на листке бумаги, потом, отдав его Ивану Федоровичу, промолвил:

– Я бы даже сказал, что у вас катаральная инфлюэнца! – строго объявил лекарь.

– Это смертельно, доктор.

– Вы всю шутить изволите, – пенсне недобро блеснули. – Я прописываю вам очень надежное и действенное средство «Аспирин», зарекомендовавшее себя исключительно с положительной стороны. Только смотрите, чтобы его изготовителем была немецкая фармацевтическая фирма "Байер", а не какая-то иная. Принимать следует по одному пакетiku порошка три раза в день после еды. Периодически надлежит полоскать рот раствором борной кислоты... Это вас спасет!

– Простите, доктор, но это средство против тараканов... – встрял Иван Федорович, недоуменно глянув на старикана.

– Не переживайте. В аптеке вам продадут раствор борной кислоты для полоскания горла меньшей концентрации, – пояснил старый лекарь. – И еще: советую перед сном практиковать горячие ножные ванны с горчицей. И пить больше воды, чтобы выходили пот и моча, а вместе с ними вымывались и болезнетворные бактерии...

После ухода старого лекаря Воловцову будто бы стало лучше. Надев теплый сюртук и меховую шапку, он вышел из дома и в ближайшей аптеке купил аспирину и борной кислоты для полоскания горла. А еще сухой горчицы для ванн. Аптекарь, глядя на болезненный вид посетителя, посоветовал купить еще немецкое патентованное средство «Героин».

– Отлично помогает от кашля! – заявил он с воодушевлением и добавил. – Я сам принимаю, и жена моя им лечится. И не жалуемся.

Но Иван Федорович отказался. Пожалуй, с лекарствами будет перебор.

* * *

Тем временем Гавриков уже сходил с поезда Савёловской железнодорожной ветки, озадаченный подробнейшей инструкцией статского советника Радченко, и недовольный тем, что ему пришлось выезжать одному. Он не верил, что найденный в пригороде Дмитрова труп и есть тело его друга судебного пристава Щелкунова, посему отправился в Дмитров неохотно, настроенный на то, чтобы поскорее вернуться.

На станции в Дмитрове Гавриков был встречен помощником городского пристава полицейским надзирателем Коноваловым.

– Ну что, пойдем сначала в управу? – спросил он, указав рукой в сторону кремля.

– А зачем в управу, поедемте сразу в морг, – предложил полицейскому Гавриил Иванович.

– Ну, в морг, так в морг, – резюмировал полицейский надзиратель, которому, похож, было все равно, и, зафрахтовав на привокзальной площади извозчика, велел ему везти их в городской морг.

В морге их никто не ждал. Служитель дожевывал бутерброд с колбасой и запивал его чаем из жестяной кружки, когда надзиратель и Гавриков открыли обитую жестью дверь и спустились в «приемную» морга.

– Мы на опознание, – заявил полицейский надзиратель служителю морга, очередной раз удивляясь, как это работающим в таком заведении людям лезет кусок в горло. Надзирателю случалось видеть, как служители морга принимали пищу даже в одном помещении рядом с трупами, и ничего. Уплетали за обе щеки и не морщились. Хотя, человек привыкает ко всему...

Служитель морга охотно кивнул, давая понять, что дело житейское, дожевывал бутерброд и повел их коридором вглубь подвального помещения. Он шагал впереди, держа перед собой

закопчённую керосиновую лампу, за ним шел Гавриков, глядя себе под ноги (лоб бы не разбить в этой темени!), а процессию замыкал полицейский надзиратель, которому тоже хотелось, чтобы вся эта канитель с опознанием трупа поскорее закончилась.

Втроем прошли в холодную комнату, где на мраморных столах лежали три мертвых тела в их отвратительной наготе. Гавриков, мельком глянув на трупы, уже успел пожалеть и об этой поездке в уездный городишко Дмитров, и о своем заявлении о пропаже друга Владислава Щелкунова. «И дернул же меня черт сделать таковое заявление, – думал Гавриил Иванович, старательно отводя взор от трупов, но все равно посматривая на них по какой-то неведомой причине, будто что-то тянуло его это делать. – Сидел бы сейчас дома и попивал чаек с брусничным вареньем или что покрепче. И горя бы не ведал. И ладно бы по делу, а то так... Владислав Сергеевич, наверняка остался у какой-нибудь мамзели и позабыл обо всем на свете...»

– Который наш? – громко спросил полицейский надзиратель, поглядывая на трупы также без особого энтузиазма.

– Ваш, это тот, что под городом близ Игнатовки пацаны местные в леске обнаружили? – бесстрастно спросил служитель морга.

– Он самый, – отозвался Коновалов.

– Тогда это тот, что по центру, – уверенно объявил служитель морга и отошел в сторонку, пропуская к трупу надзирателя и Гаврикова.

Коновалов приблизился к голому телу, подождал, когда к нему подойдет Гавриков.

– Он? – спросил полицейский надзиратель, почему-то строго посмотрев на Гавриила Ивановича.

Гавриков стал молча разглядывать труп.

– Что можете сказать о трупе? – обернулся к служителю морга Коновалов. – Какое время он уже труп? И как он умер? От насильственных действий?

– Смерть наступила не меньше недели назад, а может и немного поболее, – уверенно произнес служитель морга. – А как он умер... – чуть призадумался служитель, после чего довольно твердо промолвил: – Задушили беднягу. Все указывает на это...

– И что, за все время, что он у вас лежит, его так никто и не опознал? – спросил Коновалов, наперед зная ответ, поскольку за эту неделю и даже более ни в Дмитрове, ни в его пригородах никто не пропадал.

– Нет, – прозвучал ответ. – Никто.

Как ни пытался Гавриил Иванович Гавриков разглядеть в трупе своего бывшего друга Владислава Щелкунова, однако сделать этого не смог. И по длине труп вроде бы был короче роста Щелкунова, и нос у Владислава Сергеевича был не такой уж острый и крючковатый, как у трупа. А главное – волосы. У трупа они были темные, почти черные и будто бы вились. А у Щелкунова волосы были прямые и светлые. Поэтому, когда полицейский надзиратель Коновалов вновь переспросил у Гаврикова:

– Ну что, он?

Гавриил Иванович коротко ответил:

– Нет.

И поспешил к выходу.

Когда Гавриков вернулся в Москву, то первым делом отправился в судебную палату к председателю Департамента уголовных дел статскому советнику Радченко. Геннадий Никифорович выслушал Гаврикова очень внимательно, задал несколько уточняющих вопросов и отпустил Гавриила Ивановича с миром. Сам же после окончания часа службы направился к Кавалерским корпусам, в одном из которых проживал в служебной квартире судебный следователь по особо важным делам и по совместительству его друг Иван Воловцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.